

человеку быть одному», он принимает вызов всей Вселенной. Личность отвечает на этот вызов-вопросание, но не по образцу-императиву, а на свой страх и риск. Личность — это рискованный человек. **Право — прежде всего право на риск.** Образец, по которому всегда действует архаический человек, гарантирует. Ему следуют с гордо поднятой головой. От личного выбора прошибает пот — тут не до гордыни...

Бесспорно, право формируется и развивается в условиях определенных обычаев, влияя на них и частично вмещая их в себя. Но право — это не только и не столько обычаи. Поэтому и не вызывает поддержки формула В. С. Соловьева: «право есть низший предел, некоторый минимум нравственности, для всех обязательный»¹, поскольку в таком случае право и мораль не просто отождествляются, но сверх того право объявляется этакой «недоразвитой моралью». Право — новый социальный регулятор, свойственный постархаическому обществу, если и не идущий морали на смену, то вступающий с ней в очень непростые отношения.

С. В. Кодан
Екатеринбург

ЛОГИКА ТОЛЕРАНТНОСТИ РОССИЙСКОГО ПРАВА (XVIII — ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА)

Вопрос о развитии юридической политики Российского государства и ее реализации на законодательном уровне представляет интерес с точки зрения использования опыта предшествующих этапов развития государства в процессах модернизации современной государственно-правовой системы России. Поэтому целью настоящего выступления является изучение вопроса о толерантности российского права.

1. Формирование Российской империи путем добровольного и в результате войн включения в ее состав различных территорий ставило перед российской государственной

¹ Соловьев В. С. Определение права в его связи с нравственностью // Власть и право: Из истории русской правовой мысли. Л., 1990. С. 109.

властью ряд проблем создания геополитической и внутриполитической устойчивости развития страны. Важнейшую роль в стабилизации положения на новых территориях играло сохранение местных систем управления и законодательства. Это было связано с рядом факторов, среди которых выделяются геополитический, географический, демографический, национальный, внутривнутриполитический и религиозный.

Геополитический фактор нашел отражение во внешней политике России, связанной с укреплением границ, обеспечением выхода в морское пространство, воспрепятствованием захвату пограничных территорий государствами-соперниками. Расширение границ России от северного до южного направлений в европейской части сочеталось с колониационным освоением ресурсов Сибири. В результате этих процессов Россия стала могущественной мировой державой, игравшей важную роль на европейской политической арене.

Географический фактор в отношении формирования территориально-законодательного устройства Российской империи влиял на необходимость сохранения систем управления и законодательных регуляций на огромнейшей территории страны. Так, вступая в XIX в., Российская империя занимала территорию в 16,6 млн. кв. км, а к 1858 г. — 18,2 млн. кв. км. При этом одни присоединенные территории отличались хорошо развитой (Прибалтика, Польша, Финляндия) или достаточно развитой (Грузия, Бессарабия) государственно-регулятивной инфраструктурой, другие же требовали интеграции родового управления и обычаев в государственный механизм Российской империи (Сибирь, часть Средней Азии).

Демографический фактор характеризовался ростом населения. Во временных рамках 1646—1796 гг. оно увеличилось в 5,34 раза. Население присоединенных территорий составляло к 1796 г. 36,4% — 13,6 млн. человек, а к 1858 г. население возросло до 74,5 млн., в т. ч. на присоединенных территориях составило 45,2% (33,7 млн.).

Одновременно проявлялось и влияние национального фактора. По мере расширения границ в составе населения появлялись новые национальности — поляки, евреи, армяне, азербайджанцы, литовцы, финны, шведы и др. В начале XVIII в. удельный вес русского населения составлял

70,7%, в конце столетия — до 64%, в середине XIX в. — до 55%. В стране проживало около 200 народов и народностей.

2. Указанные факторы оказывали влияние на законодательство Российской империи. Независимо от добровольного вхождения в состав Российской империи или присоединения к ней при завоевании, народы несли с собой национальный менталитет, культуру, вероисповедание и другие особенности. Они принесли с собой сложившиеся системы государственного управления, судоустройства и местного самоуправления, действовавшее до присоединения местное законодательство, обычаи и обыкновения — все то, что характеризует так называемый «юридический быт» народов и народностей. Слом устоявшейся управленческо-нормативной системы не соответствовал интересам Российского государства и мог вызвать нежелательное социально-политическое напряжение на присоединенных территориях, что не способствовало стабильности на национальных окраинах страны, а также в Российской империи в целом. Такое положение вещей могло быть обусловлено внешнеполитическими решениями. Так, по решению Венского конгресса в апреле 1815 г. Россия получила большую часть территории Польши, вошедшей в ее состав под названием Царство Польское. По решению конгресса Россия в ноябре 1815 г. ввела на этой территории Конституцию царства Польского.

3. Определенная толерантность Российской империи к сохранению законодательства присоединенных территорий была связана с колебаниями в правительственной национальной политике. В 1800—1820-е гг. ей были свойственны черты толерантности и прагматизма, пришедшие из XVIII в., когда приоритет отдавался решению геополитических задач, обеспечению внешней и внутренней безопасности, стабильности социальных процессов в условиях изменения системы государственной власти. Надо сказать, что эти же процессы были характерны и для формирования государственно-управленческих и законодательных систем и соотношения их функционирования на общеимперском и местном уровнях присоединенных к Российской империи территорий. При этом Российское государство не только не ломало сложившуюся ранее (при самостоятельном существовании

или при нахождении прежде в составе других государств) систему государственного управления, но и старалось интегрировать ее в механизмы государственной власти. Для этого периода характерно и то, что если западные окраины позволяли в определенной степени обеспечивать «подпитку» государственно-правовой системы России действующими на их территории европейскими источниками права, то для восточных окраин российская правовая система несли более совершенную систему регуляций для народов, находившихся на стадии родового управления и традиционных (посредством обычаев) форм нормативного регулирования.

В 1830—1850-е гг. начинает просматриваться постепенное изменение в национальной политике, которое нашло отражение в расширении использования общеимперского законодательства на тех территориях, где действовало местное законодательство. Во многом это зависело от проявления степени лояльности нерусской элиты окраин по отношению к российской власти. В случае сопротивления правительство реагировало с использованием всего диапазона возможных средств вплоть до применения военной силы в самых жестких формах. В этом весьма показательны отношения российской государственной власти к Великому княжеству Финляндскому и Царству Польскому.

Великое княжество Финляндское с присоединения в 1808 г. к Российской империи имело государственную автономию и собственное государственное устройство — Правительствующий совет (позднее Сенат), систему управления, законодательство (по-прежнему действовало Шведское уложение 1734 г.). Это позволило нейтрализовать антирусские настроения и стабилизировать внутривнутриполитическую ситуацию в крае. Взаимная заинтересованность финской национальной элиты и российских правительственных кругов в обеспечении стабильности на северо-западных территориях Российской империи способствовали сохранению и постепенному развитию государственно-законодательного устройства Великого княжества Финляндского.

Царство Польское в 1515 г. получило Конституцию, представительное государственное устройство, достаточно

широкие для того времени права и свободы, сохранило систему территориального деления, законодательство и т. п. На уровне автономии Россия воссоздала элементы польской государственности. Но после польского восстания 1830—1831 гг. такое государственное положение Царства Польского было ликвидировано — отменена Конституция, а вместе с ней и форма правления в виде конституционной монархии, распущен Сейм, превращена польская часть империи из государственной автономии в административно-территориальную единицу империи. Но и при этом местные узаконения по мере их замены сохраняли юридическую силу.

4. В этих условиях законодательство Российской империи представляло собой своеобразный «слоеный пирог», первый слой которого составляло общеимперское законодательство, второй — местные узаконения, третий — санкционированные государством обычаи, как систематизированные и упорядоченные государством, так и те, на применение которых общеимперское законодательство или местные узаконения давали государственную санкцию. Каждый из них имел определенный уровень формализации по источникам, носителям правовой информации, которые признавались и имели законную силу на определенных территориях в составе Российской губернии.

Следует особо отметить, что характерной чертой действия местных законов и обычаев был их приоритет при разрешении дел государственными административными и судебными учреждениями, а также интегрированными в систему управления территориями местными органами самоуправления. И только при прямом указании закона или отсутствии местных узаконений и обычаев действовали нормы, содержащиеся в общеимперском законодательстве. Именно нижние слои российского законодательства (местные законы и обычаи) составляли основу своеобразного «законодательного районирования» окраин Российской империи. Только в Европейской России в полном объеме действовало общеимперское законодательство (с 1835 г. Свод законов Российской империи).

5. В российской юриспруденции XIX—XX вв. сложилось понятие «местные законы». К ним относили законы терри-

торий, присоединенных в различное время к Российскому государству. Механизмы распространения юрисдикции Российской империи на присоединенные территории и их население были различны. При наличии у присоединяемых народов своей государственности и добровольности (реальной или политически вынужденной) вступления в состав России с ними либо заключался договор, имеющий характер распространения протектората Российского государства, переходящего со временем в полное подчинение. При отсутствии государственности принималась лишь присяга на верность русскому царю. При завоевании территорий (XVIII в., Прибалтика, Бессарабия) нередко оговаривались при сдаче крепостей определенные условия сохранения системы управления и законодательства. Сохранение в каких-то пределах государственно-законодательной системы могло быть оговорено в мирных договорах (мирный договор со Швецией 1809 г.) или стать предметом международного соглашения коалиции государств (государственное устройство Польши было оговорено в решении Венского конгресса в 1815 г.).

Сохранение действия местных законов могло быть результатом постепенной интеграции территории в состав Российской империи. Так, вступление Восточной Грузии в 1783 г. под покровительство России, а затем вхождение в 1801 г. в состав Российской империи повлекло сохранение на этой территории местных гражданских законов.

Несколько иной характер носило формирование и действие местных законов в Сибири. Здесь в процессе колонизации края Российское государство столкнулось с необходимостью интеграции родового управления и традиционных регуляций в государственно-правовую систему Российской империи. После Сибирской реформы 1822 г. и кодификации в ее ходе узаконений о сибирском коренном населении началась кодификация так называемых «степных законов» сибирских народов.

5. Соотношение общеимперского и местного законодательства в Российской империи было определено нормативно в ст. 1 Свода основных государственных законов (Свод законов Российской империи 1832 г.): «Император всероссийский есть монарх самодержавный и неограниченный».

Далее в подразделе «О законах» определялись два важнейших положения, представляющих принципы территориально-законодательного устройства Российской империи. «Империя Российская управляется на твердых основаниях положительных законов, учреждений и уставов, от самодержавной власти исходящих» — гласила ст. 47 Основных законов Свода законов Российской империи. Следующая, ст. 48, указывает: «Законы в империи действуют или единообразно в общей их части или с местными в некоторых их частях изменениями. Пространство сих изменений, места, где они допускаются, и связь их с законами общими определяются в особенных законах, уставах и учреждениях».

Итак, в законодательной системе Российской империи сложился свод местных узаконений, отразивших условия развития страны. Законодательной системе России был свойствен достаточно высокий уровень толерантности к нормативным установлениям территорий, вошедших в состав империи.

С. И. Глушкова
Екатеринбург

ПРОБЛЕМА ТОЛЕРАНТНОСТИ В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА¹

В современной науке постепенно утверждается многообразное понимание толерантности, которая первоначально односторонне отождествлялась с терпимостью и доступными отклонениями в соответствии с переводом латинского термина *tolerantia*. Разноплановость интерпретации толерантности сегодня включает в себя этическую устойчивость, предел устойчивости человека, устойчивость к конфликту, и в целом «широкое историко-эволюционное понимание толерантности как социальной нормы, определяющей устойчивость к конфликтам в полиэтническом межкультурном

¹ Статья подготовлена при поддержке Фонда Джона Д. и Кэтрин К. Макаруров (грант # 01-68428-000).